

О.В. Плетнер, Е.Д. Поливанов

**Грамматика японского
разговорного языка**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 81
ББК 81
О-11

О-11 **О.В. Плетнер**
Грамматика японского разговорного языка / О.В. Плетнер, Е.Д. Поливанов –
М.: Книга по Требованию, 2015. – 237 с.

ISBN 978-5-458-55442-8

ISBN 978-5-458-55442-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ВВЕДЕНИЕ.

Выше в Предисловии—уже было сказано о том, что в основу стандартного разговорного яп. языка ложится токиоский говор. В связи с этим можно сделать вывод, что социальная характеристика описываемой нами языковой системы (токиоского *койнэ дзёкхто*, т. е. общего—в данном случае общепонского—диалекта) складывается из следующих трех моментов:

1. Описываемый нами разговорный стандарт является, прежде всего, особым социально-групповым и в частности классовым диалектом внутри территориального говора гор. Токио.

2. Начиная с фактического перехода к крупно-капиталистическому хозяйству, когда новые экономические отношения обуславливают уже общепонский масштаб реальных потребностей в перекрестном языковом общении—для определенных социальных групп населения, токиоский стандарт в сравнительно короткое время занимает положение общепонского разговорного языка—по крайней мере в данном социальном слое: буржуазии и буржуазной интеллигенции (но никакого иного объединения Японии на почве разговорного языка для иных социальных групп вообще не существует ¹⁾).

В истории данной языковой системы, как таковой (т. е. независимо от ее принадлежности к тому или другому социальному субстрату), вышеуказанный момент—момент перехода к крупно-капиталистическому хозяйству является границей двух эпох, каждая из которых имеет дело со своими вполне специфическими социальными факторами языковой эволюции.

3. В связи с наметившимся у прогрессивно-либеральной интеллигенции стремлением к демократизации письменного языка (по принципу „гэмбун-итти“), токиоский стандарт выступает и в роли кандидата на положение единого письменного-разговорного языка Японии. Реализация этой программы, однако,

¹⁾ Если не иметь в виду, разумеется, внутрирайонные объединения (напр на почве говора гор. Нагасаки внутри Нагасакской префектуры и т. д.), но это, конечно, совсем другого порядка и меньшей значимости явление.

VI

далека еще от осуществления, да, строго говоря, и вообще невозможна ¹⁾ при настоящих политических условиях.

Остановимся на каждом из этих пунктов в отдельности.

1. Было бы совершенно неправильным утверждать, что объединяющим Японию разговорным языком является территориальный говор гор. Токио в его целом, т. е. как совокупность наличных на территории столицы подговоров (районного или социально-группового характера) или, тем более, индивидуальных говоров всех токиосцев. Во первых, мы найдем—в составе нескольких из только-что упомянутых (коллективных) подговоров—ряд взаимно-исключающих языковых особенностей (достаточно будет—в качестве случайного примера—указать на те свойственные разным подговорам столицы словарно-акцентуационные дублиеты, которые упомянуты в приложении к моей работе „Музыкальное ударение в говоре Токио“. Изв. Академии Наук 1915). Кроме того, в числе фактов, известных (т. е. понятных и признаваемых за токиоские) каждому из токиосцев, на целый ряд явлений кладется запрет (социально группового порядка „табу“) в смысле безусловной непригодности их для стандартного языка интеллигентского междурайонного (т. е. общеяпонского) общения. Это—целый ряд морфологических, словарных и фразеологических „вульгаризмов“ ²⁾. В итоге, мы убеждаемся, что кладущийся в основу „общеяпонской“ разговорной койнэ токиоский говор является „фильтрованным“ токиоским говором, принадлежа—на территории столицы—исключительно лишь той социальной группе, которая больше всего заинтересована в общеяпонском языковом перекрестном общении и фактически больше всего осуществляет его. Это,

¹⁾ Кроме достижений индивидуального, „кружкового“ типа

²⁾ Такого рода—находящиеся под социально-групповым „табу“—вульгаризмы наблюдаются, впрочем, и внутри других яп. говоров,—в частности городских, напр, киотского и т. д. (и носят при этом вполне специфический—без всяких координаций с токиоским „табу“—характер) Но во всяком случае условием для существования внутри территориального говора ярко-выраженных вульгаризмов служит сложный (классово-расслоенный) состав соц. субстрата данного говора (т. е. населения данного пункта). в противоположность киотскому и т. п. мы их, например, почти не сможем выявить в говоре какой-нибудь бедной и маленькой рыбацкой деревушки (например Тобара возле Мороги в Тоса—в префектуре Коги на Сикоку [материалы по этому говору начаты опубликованием в „Ученых Записках Института Языка и Литературы РАНИОН“ № 3. 1929]).

следовательно,—язык токиоской крупной и средней буржуазии и интеллигенции.

Противопоставляться же ему могут (внутри самой столицы) следующие диалектологические единицы: районные или классовые подгруппы иной уже социальной принадлежности, при чем, в сущности, нам придется весьма часто на деле отождествлять понятия районного и социально-группового говора: определенные кварталы—「ク」 «ку» (в частности принадлежащие беднейшему люду столицы)—те самые [Хондзэ, Фукагава, напр.], о которых цитированный мною (в „Приложении“ к „Муз. ударению гов. Токио“, Изв. Ак. Н. 1915) автор упоминает как о районах, имеющих свои языковые особенности, имеют вместе с тем и (специфическую классовую и профессиональную характеристику) рабочий квартал, квартал моряков и рыбаков, наконец квартал мелкой торговой буржуазии, не выходящей ни в экономическом, ни в языковом обмене за пределы столицы).

2. Не надо думать, что до вышеуказанной эпохи экономического сдвига (*terminus post quem* для начала которой—1862 год) вообще не существовало языковой системы, объединявшей всю Японию ¹⁾: Япония как политическая и культурная единица (существовавшая в качестве таковой по кр. мере с Го-он'ной эпохи) ²⁾ была бы немыслима без того средства объединения, которым служил и продолжает служить безусловно единый для Японии (кроме Рюкю) письменный язык. Исторически этот письменный (в основе классический) язык ничего общего, конечно, не имеет с токиоским говором—представителем восточно-японской диалектологической группы—ни в территориальном, ни в хронологическом отношении,—восходя к древнему западно-японскому диалекту—района былых культурных центров (Кинаи).

Здесь мы наталкиваемся, в сущности, на типичное для крупных азиатских ³⁾ государственных образований состояние:

¹⁾ За исключением, конечно, островов Рюкю (—Окинава-хэн), имевших свой собственный литературный язык (рюкюский), в основу которого легли говоры Нафа и Сю(р)и.

²⁾ Подробнее об этой условной датировке речь будет идти в статье „Историко-фонетический очерк японского консонантизма“, принятой к напечатанию в „Ученых Записках Ин-та языка и Л-ры РАНИОНа“.

³⁾ Впрочем, для имеющихся здесь в виду азиатских государств (каковыми являлись, наприм., Китай, Персия, Бухара и—как мы здесь видим—Япония)

административное (и соответствующее культурное) единство обслуживается—в обще-японском масштабе—исключительно письменным языком—при весьма большом расхождении устных *patois* различных районов.

В Японии, заметим, это расхождение устных *patois*—по крайней мере к концу Токугавской эпохи—достигало вряд ли на много меньших размеров, чем в Китае: уроженец северо-восточных (сильно гибридизованных благодаря аинской этнической подпочве) провинций, напр. Аомори, Акита ¹⁾ и пр., безусловно чужд пониманию не только, напр., южно-японской (нагасакской, напр.) или западно-японской, но и токиоской речи. При этом фонетические расхождения (благодаря сильно-прогрессивной фонетической эволюции именно на гибридизованной территории) настолько велики, что совершенно преображают и звуковые значения яп. слогового алфавита (примеры: буква, изображавшая в древности слог *wi, читается в центральных говорах как i и в Аомори тоже как i ²⁾), но зато всякое другое *i [в слогах *i, *ki, *ti, *di, *ri, *pi и т. д.] превратилось в Аомори в апикальный звук ^zi|z: в результате появились следующие, напр., соответствия между аоморийским и токиоским: Ао. ^zi || ток. i, Ао. ^sk|ks || или внутри слова — ^{k z}g|g^k || ток. ki, Ао. ^tci|cz || внутри слова — ^tzi|z^t || ток. ci, Ао. ^tzi|z^t || внутри слова — ^azi|z^a || ток. zi/-zi, Ао. lz || ток. ri, [*pi] = Ао. si || или si (в зависимости от говора) || ток. ci; с другой стороны, благодаря переходу *e → сев.-вост. i, появились такие соответствия: Ао. i || ток. e, Ао. ki || или внутри слова — ^kgi || ток. ke, характерным—в отличие от Европы—было именно то, что с данным языковым состоянием они вступали и во 2-ую половину XIX века и даже—иногда—в XX век.

¹⁾ Известные (но в статистическом отношении, конечно, очень ничтожные) случаи ослабления этой дифференциации мы находим (в той же Акита, напр.) в известных социально-групповых говорах определенных пунктов, восходящих—в данном городе—к перенесенному из Зап. Японии языку ссыльных самураев.

²⁾ Хотя совпадение это вполне случайно появилось в результате двух совершенно разных по существу процессов в центр. говорах *wi просто утратило свое *w (т. е. *wi → i), а в сев.-восточных (в Аомори) *wi, конвергировав с дифтонгом *oi, дало *e, которое, затем, как и всякое другое *e, сузилось здесь в i.

Λο. hi || ток. se; название города Хакодате, несмотря на единообразное написание его каной, в Акита, например, читается как fa goⁿ da di || ток. hakodate, а токиоскому uci-ma^wci-kotoba^m соответствует (в Акита) произношение ūzĩmazigodo^w ba^m, хотя каной, как и иероглифами, акитасец напишет это слово одинаково с токиосцем и т. д. и т. д.). Ясно, что, если аомориец respect.^z акитасец (уроженец пров. Акита—ag^z ĭda в местном произношении) начнет читать вслух какой-либо текст, токиосец respect. киотосец и т. п. ничего не поймет в слышимом, пока своими глазами не увидит начертаний [равным образом и аомориец ¹⁾ не поймет чтения вслух токиосцем]. Таким образом мы здесь и в деталях даже наблюдаем сходную с китайской диалектологическую ситуацию письменного языка.

Поскольку, однако, за последние 1/2 столетия японские экономические условия—в отличие от китайских—постулируют наличие общепонских средств общения именно в форме разговорного языка, процесс койнэизации последнего несказанно опередил соответствующее китайское явление (где в соответственной, до известной степени, роли выступает пекинский говор). Именно, в настоящее время (во второй четверти XX века) весьма значительная часть (около 50%) японского провинциального населения состоит в положении социального или коллективного двуязычия ²⁾, т. е., владея своим родным patois, знает (или по кр. мере понимает) токиоскую „койнэ“.

Дальнейший путь процесса—через системы социального двуязычия к монопольному возобладанию „койнэ“—зависит уже от времени ³⁾.

¹⁾ Если только он еще не двуязычен

²⁾ Этим термином я называю такой вид двуязычия, когда весь коллектив (того или другого территориального пункта) является носителем двух языковых систем. Подробнее об этом—см. „Ученые Записки Ин-та Яз. и Л-ры РАНИОН‘а“ № 5. 1930: Поливанов, „Факторы фонетической эволюции языка как трудового процесса“, ч. II.

³⁾ Ср. закончившиеся уже этого рода процессы—напр в формации новогреческого языка (из афинского, или аттического древне-греческого диалекта, мало-по-малу вытеснившего на правах κοινή διάλεκτος—через ступень социальных двуязычий—прочие местные древне-греческие говоры [кроме разве лаконского, к которому восходит современный лаконский диалект]), или,

Несмотря на вышеуказанные 2 социальных функции токно-ского языка (описываемой нами токиоской системы речи): в виде социально-группового подговора столицы, во-первых, и общепонского стандарта, во-вторых,—на составе самой этой языковой системы (чисто языковых ее фактах) сказывается сплошь и рядом, в доминирующей даже пропорции, действие социальных факторов, относящихся не к современной этим 2 функциям эпохе, а наоборот к периоду давноминувшему,—предшествовавшему социально-историческому пласту. Это, в сущности, мы и всегда наблюдаем в истории языковых стандартов самых разнообразных нац. коллективов: иногда „слова не пахнут“, или—точнее—легко утрачивают запах,— свой *parfum social* и *historique*, т. е. иногда, несмотря на внутреннее свое противоречие новым социальным и бытовым условиям, не подвергаются браковке при переходе политического господства (а вместе с тем и готового языкового стандарта) к новому, „берущему власть“ классу; а потому язык и оказывается—в преимстве культурных средств при переходе политической и экономической гегемонии к новой социальной группе—весьма часто более консервативным, чем другие области наследуемой (новым господствующим классом) культуры (—материальная культура, литература, искусство, штаны, манжеты, педагогическая система и т. д.). Этим отнюдь не отрицается активное участие нового класса в оформлении и эволюции языкового стандарта: тогда пришлось бы отрицать эту функцию и у его предшественника. Я просто хочу указать на наличие известной терпимости к языковым фактам—когда слова „перестают пахнуть“ Для подтверждения этого сошлюсь в качестве параллели на пример из совершенно другой области семантических явлений—явлений, уже не стоящих ни в какой зависимости от социальной природы коллектива—носителя языка: когда мы говорим фразу *on revient toujours à ses premiers amours*, мы вовсе не замечаем, что *toujours*—это этимологический эквивалент для *tous les jours*, и никакого „дня“—*jour* при произношении этой фразы мы не представляем: *toujours* здесь для нас—просто словарный эквивалент русского „всегда“.

с другой стороны, в языковой истории Ташкента (где узбекский язык вытеснил таджикский—тогда как в Самарканде мы в наше время застаем тот же процесс еще на стадии социального двуязычия), и т. п. явления в ряде разных других нац. коллективов

XI

Также мы можем забыть и значение слова „конка“, употребляя его в комплексе „паровая конка“: это выражение фактически имело социальное существование несколько десятилетий тому назад, и русское мышление относилось терпимо к его этимологической абсурдности.

Подобным же образом и ряд японских токиоских явлений (словарных ¹⁾, морфологических ²⁾ и даже фонетических ³⁾, генезис которых относится к феодальному быту предков нынешних токиосцев и вне условий этого быта был бы невозможен, отлично, до поры до времени, ⁴⁾ уживается, как мы видим, в токиоской речи современных учителей, студентов и „нарикинов“.

Нужно помнить, следовательно, что описываемый нами язык — потомок языка феодально-вояцкого класса и притом в центральной цитадели феодализма — в токугавском Эдо. Нынешнее Токио говорит языком самурайского Эдо и — поскольку „слова не пахнут“ — довольствуется этим.

Следы этого исторического прошлого ясно видны при сравнении токиоского с провинциальными говорами крестьянского и рыбацкого населения. Для таких, напр., чисто-койнэистических особенностей, как „высшие“ формы квази-местоимений или „вежливые“ суффиксы *-mas/-mašt-*, *-des/-dešt-*, в деревенских *ratois* мы вовсе не найдем эквивалентных рядов соответствий ⁵⁾. Теперь эти формы — уже просто особенность (специфические черты) койнэистического языка интеллигента, но находят себе объяснение они именно в той среде, которая была носителем предка токиоского говора.

¹⁾ Ср. напр. слова, употребляющиеся (в токиоском) в роли личных местоимений *ва-такуси*, *кими* (буквально „государь, сударь“), *боку* (буквально „слуга“) и т. д., а с другой стороны, напр. вежливые глаголы — *кудасару* и т. п.

²⁾ Ср., напр. употребление гонорифического префикса *О* — в качестве признака, 2 лица, употребление форм *Passivi* (страдательного залога) для действий, субъектом которых является высокопоставленное лицо, и т. д.

³⁾ Яп. фразофонема *—s* („с“) произносимое посредством выдыхания, а не выдыхания воздуха).

⁴⁾ Зато в следующем периоде яп. истории и яп. языка будущие исследователи его заметят, в свою очередь, пережитки, т. е. напластования нынешней эпохи (влияние ее социального быта), а *кудасару* 下, *кими* 君, *ватакуси* 我, *—s* и т. п. продукты предшествовавшей эпохи будут, повидимому, уже „изжиты“.

⁵⁾ Равным образом, и гонорифическое *о* — (с функцией признака 2 лица) является чуждым для многих провинциальных (деревенских) говоров.

Нужно оговорить, впрочем, что в историческом отношении токиоский не может быть возводим единственно к исконным диалектам своего района: в формации его приняли участие и более южные элементы, в частности диалект Микава,—провинции, откуда ведут свое начало Токугава, а с ними и токугавский феодализм. Этим, м. пр., и объясняется ряд фонетических отличий токиоского от ближайше-смежных деревенских диалектов.

3. Для реализации программы гэмбун-итти необходима социальная революция в Японии точно так же, как и для другого мероприятия по демократизации письменности латинизации (или вообще фонетизации) яп. графики. До этого и тот и другой процесс вынужден будет пребывать в стадии проектирования и, в лучшем случае, индивидуальных начинаний, точно также, как невозможно было реализовать ни реформу рус. графики, ни рационализацию график наших национальностей до революции 1917 года (и до Октября 1917 года на долю этих реформ приходилось точно так же одно лишь „проектирование“ будущих мероприятий). Соображения этого порядка достаточно ясны сами по себе, чтобы нужно было уделять место их мотивировке.

Вопрос о происхождении японского языка (вместе с ближайшим его родственником—рюкюским) долгое время оставался совершенно неразрешенным. Однако, когда на основании компаративного изучения японских (и рюкюских) диалектов оказалось возможным восстанавливать формы доисторического периода японского языка, пользуясь ими для сопоставлений с языками других семейств, то удалось установить, что в формации японского (или обще-японо-рюкюского) языка принимали участие два, по крайней мере, различных источника: с одной стороны, мы находим здесь ряд языковых особенностей (и в фонетике, и в словаре, а отчасти и в морфологии¹⁾, совпадающих с материалом малайско-полинезийских или „аустронезийских“ (буквально: „южно-островных“) языков; с другой стороны—ряд фактов (главным образом словарных и морфологических), повторяющихся в континентальных языках—именно в корейском,

¹⁾ См., между прочим, статью „Одна из японо-малайских параллелей“ в Известиях Акад. Наук, 1919.

а также в т. н. „алтайских“ языках.¹⁾ Разумеется, и те и другие сопоставления (—и с аустронезийским и с корейско-„алтайским“ языковым материалом) являются показательными постольку, поскольку они обнаруживают регулярные звукосоответствия²⁾, (т. е. то самое, что вообще служит критерием достоверности во всех сравнительно-грамматических сближениях).

Таким образом еще в доисторическую эпоху яп. язык представлял собою гибридную формацию. В историческое время к этому сложному составу прибавился еще один элемент в виде китайского (словарного, а в некоторой мере и фонетического) влияния, обусловленного, разумеется, сильнейшей культурной зависимостью Японии от древнего Китая (а так как культурное влияние было весьма длительным—более тысячелетия, то среди вошедших из китайского языка заимствований мы можем различать 5 хронологически-различных категорий—начиная с заимствований до-литературных: напр. мма 𪛇, ммэ 𪛈 и т. п. и кончая—уже после эпох массовых литературных заимствований—позднейшими устными заимствованиями в отдельные яп. диалекты: напр. ре:гоᵛ, р'агоᵛ нагасакских говорах из кит. мандаринского 𪛇 𪛈 „бай-лун“).

¹⁾ К семейству „алтайских“ языков (в широком смысле) причисляются 3 языковых группы или семьи—турецкая, монгольская и манчжуро-тунгусская. Однако есть некоторые основания включить в это же семейство—на правах четвертого его члена—и корейский яз.

²⁾ В качестве простейшего примера приведем несколько корейско-японских словарных параллелей на т. н. „тождественное“ звукосоответствие (—в котором оба звука — двух разных языков—качественно совпадают): яп. k || кор. k (в начале слова). яп. кита || кор. кот 'медведь', яп. кате || в корейских говорах ката или кате—название сосудов, яп. кито (нагасакск. кобу, рюкюск. ku ba) || кор. кэт 'паук', яп. каза || кор. кат—древне-кор. * kas 'шляпа', и т. д. Заметим, впрочем, что есть и такие яп. слова, которые, не находя параллели в корейском, встречаются в других „алтайских“ языках: таково, напр. яп. ипи 'собака', ближайшими соответствиями к которому оказываются слова манчжуро-тунгусских языков (с тем же значением. 'собака'). Наконец, добавим еще пример в виде пары японо-алтайских слов. яп. куро — 'черный' || тур. gaḡa, монг. хага из древнего* qaḡa, 2) яп. кура 'темный' || тур. qaḡan

